

ТРУДНО И РАДОСТНО

Трудно и радостно вспоминать о долгой совместной работе с Наумом Лазаревичем Лейдерманом. Трудно, потому что надо говорить о нем, как об уже ушедшем человеке. Потому что уже никогда не сможешь работать с ним ни виртуально, ни лично. Потому что никогда не услышишь его голоса и не прочтешь с огорчением или радостью его замечания. Трудно, потому что никогда не испытаешь того чувства защищенности и уверенности, что, пока мы работаем вместе, можно и должно сделать то, что казалось выше твоих возможностей.

Радостно, потому что работа с ним рядом или на расстоянии тысяч миль всегда была счастьем, хоть и добываемым тяжким трудом, напряжением всех сил. И даже – сверх того.

Мы, учителя, услышали о новом преподавателе УрГПИ в семидесятых. Именно тогда школа и вузы потянулись друг к другу, еще только нащупывая пути сотрудничества, но уже осознавая, что нам друг без друга нельзя.

И вот я впервые на его публичной лекции для учителей.

Плотный, коренастый, крупная голова, рыжеватые волосы, характерные для рыжих веснушки, начинающиеся залысины и огромный лоб. Взгляд, показавшийся прицеливающимся...

В портрете, позе и интонации ничего академического, ничего, что бы говорило о неравенстве стоящего на кафедре и слушающего. Напротив, с первой минуты я, как и другие, ощутила приглашение к диалогу, а еще лучше – к спору и несогласию, к выяснению истины, а не просто к привычному: я – говорю, вы – слушайте и запоминайте. Грубоват, остроумен, ершист и ... убедителен, как никто прежде. Хотя уже на той первой лекции говорил о Маяковском (если мне не изменяет память) то и так, как никто до этого не говорил.

Те, кто тогда пытался с ним спорить, почувствовали, что спорить надо, не ссылаясь на авторитеты, а по сути. Что надо иметь свое мнение и знать текст не хуже его самого. Это было трудно, потому что вся предыдущая система обучения учителя, да и все «методички» вкладывали в сознание учителя устоявшееся десятилетиями мнение. Оно казалось незыблемым.

Если спор ему нравился, взгляд смягчался. Но не ощущалось желания уколоть или унижить. Он был снисходителен и к тем, кто петушился, и к тем, кто пытался спорить, и к тем, кто терпел поражение в споре.

Это было время расцвета методики и прежде всего поисков новых способов обучения, новых взаимоотношений обучающего и обучаемого. Журнал «Литература в школе» читался, как хорошая беллетристика. В Областном Институте усовершенствования учителей (название прошлых лет) стала работать талантливый методист – Майя Абрамовна Богуславская. Методист не по должности, а по духу, по склонностям, по способности быть учителем учителей.

Но первым, кто осознал, что учитель начинает не со студенческой скамьи, а со школьной, был

Наум Лазаревич. Тогда же мы почувствовали, какая черта характера у него главная: если он понял для себя нечто важное, то, во-первых, приложит все силы, чтобы это важное реализовать, во-вторых, чтобы эту важную идею распропагандировать, в-третьих, – чтобы привлечь к осуществлению идеи деятельных и убежденных сторонников.

Мне повезло – Наум Лазаревич привлек меня для совместной работы.

В отношении курса методики между нами (Наумом Лазаревичем, Майей Абрамовной и мной) не было разногласий. С их помощью был разработан курс методики, вобравший в себя опыт работы передовых учителей города. Это была методика, разработанная не как жесткое и назидательное руководство для учителя, а методика живая, выросшая из потребностей школьных учителей, призванная, развивая творческий потенциал учителя, развить такой же дар в ученике. Наум Лазаревич пошел на риск, пригласив разработать и читать курс методики учителя-практика, не имеющего степени, хоть и имеющего за спиной большой опыт работы школьным учителем, навыки руководства методическим объединением литераторов большого района, несколько попыток обобщить свой методический опыт, в том числе в двух статьях, опубликованных в тогдашней «Литературе в школе».

Я и сейчас помню непосредственный отклик – «Наша взяла!» – Наума Лазаревича, когда я сообщила ему, что «сегодня в аудитории не хватило мест и пришлось брать стулья в соседней». Это случилось впервые, и мы праздновали первую победу: мы начали завоевывать студентов.

Я не знала другого такого случая, чтобы академическая университетская наука принимала такое деятельное участие в разработке вопросов методики. Впоследствии я увидела сборник статей по вопросам методики преподавания литературы. Статей, написанных Наумом Лазаревичем. И он имел на это право, потому что в каждый вопрос методики он вникал с той же дотошностью, как в вопросы теории литературы. И потому, что едва ли не единственным понимал, что от решения вопросов методики преподавания литературы в школе и вузе зависит качество подготовки учителя – пропагандиста современных знаний по истории и теории литературы или саботажника их.

Идея связи школы и вуза, кафедры, им руководимой, и учителей обретала все больших сторонников. И Наум Лазаревич все углублял и углублял эксперимент, пока он не стал повседневной практикой.

Я пишу об этом подробно не только потому, что для меня участие в эксперименте было большой и счастливой вехой жизни, но и потому, что Наум Лазаревич как личность раскрылся передо мной прежде всего в этой работе. А ведь этот гигантский труд, делавшийся на моих глазах и при моем участии, был малой толикой того, что сделал Наум Лазаревич как заведующий кафедрой сферой своей ответственности. Но он взвалил на свои плечи и эту

обязанность, и я ни разу не слышала от него, что, запустив мотор нового дела, он переложит его на другие плечи. Он ощущал в себе «силы необъятные» и жил с этим ощущением долгие годы.

И можно ли задним числом упрекать его за то, что он не берег себя, что он мог бы жить поэкономнее? Он был счастлив только тогда, когда жил всеми силами своей души, своего интеллекта и своего таланта, в том числе и организационного. Скольких начинаний он был автор! Скольких учителей он сподвиг на творчество! Скольких увлек своей неистощимой энергией!

В посвящении на нашей первой совместной книге я назвала его «вечным двигателем», опровергающим обман, что такого не существует. Он и был им, и другую жизнь отверг бы безоговорочно.

Эта первая книга о преподавании современной литературы в старших классах школы была обобщением практики, множества открытых уроков. Она потребовала от нас, Клавдии Даниловны Кузнецовой и от меня, огромного напряжения. Уроки давались регулярно, и обсуждение их превращалось порой в «бои местного значения», потому что подвергались сомнению каждый шаг и каждое слово. Ну, и само напряжение на уроке с присутствием Н.Л. Лейдермана или М.А. Богуславской, или обоих! А уроки проводились с завидной регулярностью. Главная нагрузка по продвижению книги в печать легла естественно на Наума Лазаревича. Ему же приходилось отбиваться от настойчивых попыток включить в книгу цитату из очередного генсека, которые в ту пору (книга вышла в 1985) менялись тоже с завидным постоянством. Книга вышла в период, когда не только не было обильных рекомендаций, как преподавать новый курс, но и курса как такового не было. Все, начиная от рекомендательного списка для чтения (который был «железно обоснован»), кончая рекомендациями, как преподнести современные произведения, – все было сделано благодаря железной воле Н.Л. Лейдермана, его последовательности и требовательности.

И опять повторюсь: работа над книгой для нас (К.Д. Кузнецовой, М.А. Богуславской и меня) была огромной, но для Наума Лазаревича эта работа была малой частичкой его повседневного огромного труда. Ведь он уже тогда вынашивал свое детище «Теорию жанра», уже тогда писал свои фундаментальные статьи. Но в нашей совместной работе какая самоотдача, какое горение, какая убежденность в том, что делаемое необходимо! Не сразу поняла я мотив, который двигал Наума Лазаревича, заставляя его «отклоняться» от его «основной» работы. Он, как истинный учитель, стремился поделиться с как можно более широкой аудиторией своими идеями, находками, исканиями. Ведь книга предназначалась широкой аудитории учительства и студенчества, а значит, и старшеклассникам, чей вкус и убеждения были ему не безразличны.

Все его выступления, все работы были адресны, он всегда знал, кто слушает или читает его. Аудиторию он чувствовал, как никто. Учителя, студенты, школьники (а он разработал систему лекций преподавателей вузов для школьников и их учителя-

лей), высокая комиссия из Министерства или Академии Педнаук, или гости из зарубежья, которые зачастили к нам, присутствовали на уроках и после их обсуждали, – перед всеми он был одинаково демократичен и открыт без тени заискивания или желания угодить. Он и нас, дающих уроки, научил самоуважению, умению во всех ситуациях работать с учеником и для ученика.

Он уважал аудиторию, и аудитория платила ему тем же. Он уважал гостей, но никогда сам не забывал и другим не давал забыть, для кого мы работаем и кто на уроке главный. Для него это всегда были – учитель и ученики, и та истина, которая искалась и находилась в процессе совместной работы не напоказ, не для гостей.

Вспоминается такой забавный эпизод. На уроке представительная делегация из Германии. Но что они могли понять в уроке, который идет на русском? К счастью, среди немцев нашелся говорящий на английском. Наум Лазаревич выступил в качестве переводчика. Так и шел урок в сопровождении синхронного перевода вслух. А во время обсуждения снова чуть было не возникла неловкость. Кто-то из немцев поинтересовался моим возрастом. Я сказала – за 50. Он ахнул: у нас, в Германии, энтузиазм кончается до 40. Наум Лазаревич вежливо, но твердо парировал: а у нас продолжается столько, сколько дает высокий результат, и мы этим гордимся и всячески поощряем.

В это же время я познакомилась с семьей Наума Лазаревича. Я поняла, чем держится эта семья – одна из замечательных семей, какие я встречала в своей жизни. Я увидела Наум Лазаревич – семьянина, увидела и полюбила его Лилю, которая тогда еще работала по специальности, приобретенной в институте, но на самом деле уже тогда владела другой специальностью, дарованной ей судьбой, – быть ангелом-хранителем.

А затем была вторая совместная работа – над книгой о новом прочтении Горького в школе (и не только в школе).

Она была начата до моего отъезда в Америку и закончена спустя почти 10 лет, когда я уже жила в США.

В августе 1997 г. после долгого перерыва в работе, вызванного моим отъездом и необходимостью хоть как-то адаптироваться, мы встретились в Чикаго, в огромном аэропорту О'Хэйра. Со мной была моя 11-летняя внучка, тогда еще дичившаяся посторонних, но которая в один момент прониклась к Науму Лазаревичу симпатией и даже стала помогать ему ориентироваться в информации, которая была в аэропорту. Чикаго был для внучки остановкой на пути в город, куда уже переехали ее родители. Мы сдали внучку ее сопровождающему с рук на руки, причем она, при всей своей нелюбви к ущемлению своей свободы, даже не заметила, что Наум Лазаревич опекал ее вплоть до момента прощания. Затем он повез меня к себе – в квартиру, которую они с Лилей снимали. В съемную (а значит, чужую) квартиру Лиля сумела внести что-то свое, душевное. Но поразило меня другое: повсюду, даже в самых неожиданных местах, например, на зеркале в туалете,

и отовсюду свисали или были прикреплены клейкой лентой маленькие цветные карточки со словами и идиомами на английском. Лиля учила, а Наум Лазаревич совершенствовал свой английский самым простым, но эффективным способом.

Н.Л. Лейдерман показывал мне университетский кампус и окрестности, но главным была наша совместная работа в течение двух дней, что я гостила у них. Это была работа над первой главой книги, черновик которой я привезла с собой. Наум Лазаревич хорошо отозвался о моей работе и сказал, что у него почти нет замечаний. Каково же было мое изумление, когда я получила от него 18 страниц замечаний (это притом, что рукопись первой главы в ту пору едва ли была больше). Тогда же он решительно потребовал, чтобы я перешла на компьютер, если хочу работать с ним. Сказано было решительно и твердо, как говорилось в подобные моменты. Я, естественно, хотела работать с Н.Л. Лейдерманом. И не устаю благодарить Наума Лазаревича за деспотизм, который он проявил в тот момент. По возвращении из Чикаго меня ждала скверная весть – у Н.Л. Лейдермана шунтирование сосудов сердца. При этом он весело рассказывал мне, что имел возможность видеть, как это происходит. От его бодрого настроения происходящее казалось не столь драматичным и пугающим. Но вслед за этим новая весть – операция на сердце. Это был первый тревожный звонок о неблагоприятии.

Но по возвращении в Екатеринбург Наум Лазаревич продолжал работать в привычном для него ритме.

Потому что иначе не мог.

Продолжалась и наша совместная работа над книгой о Горьком. В 2001 г. я приезжала в Екатеринбург и почти каждый день приходила к Науму Лазаревичу, чтобы работать над очередной главой. Я видела, что состояние здоровья его ухудшилось, он часто принимал лекарство.

Но ни йоту не изменилась его требовательность к совместной работе. Споры были такими же ожесточенными, а работа над текстом столь же кропотливой.

И, хоть книгу мы заканчивали, находясь друг от друга на огромном расстоянии и посылая друг другу километровые послания: я – наработанные страницы будущей книги, он – безжалостные замечания, но это время вспоминается как поток счастья, потому что все было по делу, потому что было захватывающе интересное дело, которому я отдавала все свое время. Знаю, что и Н.Л. Лейдерман вкладывал всю душу в будущую книгу, теоретически обосновывая каждую эмпирическую мою находку. Более того, именно в этой книге он впервые изложил новое видение не только творчества Горького, но и теории «социалистического реализма».

В своих поздних трудах – «Постреализм» и «Теория жанра» Н.Л. Лейдерман ссылается на нашу совместную работу. Особенно тронул меня тот фрагмент последней книги, где он анализирует финал пьесы «На дне». Это было любимое произведение Наума Лазаревича, и поэтому работа наша, когда мы трудились над интерпретацией текста, была особенно нервной.

Помимо обычного напряжения к работе приешалось и то, что Н.Л. Лейдерман, азартный по натуре, не умел, не любил проигрывать. У него было сложившееся устойчивое мнение об одном из персонажей пьесы – о Бубнове. Я пыталась опровергнуть это мнение, снова и снова вчитываясь в текст. Это едва ли не единственный момент нашей совместной работы, где правота была на моей стороне. Но доказать было ее чрезвычайно трудно. Все же Наум Лазаревич принял мою позицию, но сформулировал ее в нашей общей работе не столь отчетливо, как в «Теории жанра». И вот я читаю его последней книге искомый фрагмент и плачу: он признал мою правоту, мы стали единомышленниками и по этому, казалось бы, второстепенному вопросу. Как же мне будет не доставать и этого чувства справедливости, и этой, такой трудной и такой радостной работы!

Книга опубликована в 2005 г. Одна из 300 работ Н.Л. Лейдермана, в которой его интеллект, его воля, его душа. А для меня – самый счастливый период моей жизни. Период плодотворной совместной работы.

В том же году, летом, приехав в Екатеринбург, я в последний раз видела Наума Лазаревича.

Он выглядел похудевшим (оказалось, сознательно приводил себя в норму), даже поджарым. Была какая-то замедленность движений и не было, напротив, прежней искрометности в разговоре. Иногда во время разговора он словно бы смотрел не на тебя, а вглядывался в себя. Шла в нем какая-то внутренняя, ему ведомая жизнь. Но я отнесла это за счет того, что встречались мы во второй половине дня, когда он приходил домой достаточно утомленным. Но он продолжал жить и работать в прежнем темпе. Вопросы здоровья не выпячивались и не педантировались. Позже я узнала, что Лилия и Наум Лазаревич ездили в Израиль и тамошние врачи признали курс лечения, предпринятый в Екатеринбурге, верным. Его тогдашний портрет очень хорошо запечатлен на фотографии, которая предваряет некролог.

Знала я также, что рождение внука придало новый импульс его жизни. Отношение Н.Л. Лейдермана к детям, своим и чужим, – это особая страница. Но перед моими глазами стоит одна сцена: маленькая Ксюша «оседлала» Наума Лазаревича и едет на нем – это они привычно играли в лошадки. Не увидев эту сцену своими глазами, ни за что бы не поверила, что он может быть так по-детски самозабвенно отдаваться игре. А с какой гордостью он говорил об уже взрослой Ксюше, что она поступает на филологический!

Я не видела его с внуком ни вживую, ни на фотографии, но уже после его смерти Женя Хрущева послала мне фотографию: на коленях у Наума Лазаревича сидят ее мальчишки, и все три мужичка счастливы взаимным общением и пониманием. У а Лазаревича улыбка во весь рот, я его таким не видела давно.

А ходила к нему в гости Женя советоваться в отношении будущего своих детей. Это не случайность. Я всегда поражалась редкому соединению в одном человеке такого высокого интеллекта и такой

житейской мудрости. Как сейчас помню его голос: «Вам пора становиться бабушкой...» В том смысле, что мне пора заниматься своими внуками больше, чем я это могла делать прежде.

Без преувеличения могу сказать, что вся моя творческая жизнь прошла при его внимании, с его благословения. Он поощрил меня, когда я выпускала свою первую поэтическую книжку – написал к ней предисловие. Он сердечно одобрил выход моих детских книжек. Радовался, когда журнал «Урал» в своем юбилейном номере поместил мое стихотворение.

Самые счастливые и самые печальные события в наших семьях переживались сообща.

Он, как никто, умел утешить и подбодрить, потому что был жизнелюбом.

Он, как никто, умел радоваться успехам других людей. В этих качествах ему равна из близких мне людей только его Лиля.

Я немало потрудились «на ниве просвещения» и до встречи с Н.Л. Лейдерманом. Но, как я уже однажды сказала с высокой трибуны, я состоялась как учитель благодаря тому, что много десятилетий

проработала с ним рядом и при его заинтересованном внимании. И, хоть я старше его на 8 лет, наши творческие отношения выстроились так, что старшим был он. По праву знаний и опыта, интеллекта и кругозора.

К юбилею Наума Лазаревича я написала шутивное стихотворение «Лейдермания» о силе его авторитета и росте его влияния, и не только на ближнее окружение. Кто-то из звонивших мне в день гражданской панихиды сказал: «Прощание было долгим. И было чувство, что, пока мы говорим о нем, он с нами...» Как близко мне это ощущение!

Но хочется, чтобы все горячие слова благодарности и обещания увековечить его память, не остались только словами.

Если удастся снова приехать в родные места, опустевшие после его смерти, хочется встретить истинно помнящих и любящих, хочется, чтобы его помыслы и планы не угасли вместе с ним.

Не часто встречаются нам люди такого масштаба, как Наум Лазаревич Лейдерман, и еще реже нам удается работать с ними плечом к плечу.

*Ася Михайловна Сапир,
заслуженный учитель Российской Федерации (США, г. Омаха)*